

© 2018 г.

М.С. КУРБАК

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЮАР: В ЛАБИРИНТАХ ПОНИМАНИЯ И НЕПОНИМАНИЯ

Курбак Мария Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

В 2010 г. в журнале «Гардиан» вышла рецензия на роман южноафриканского писателя Марка Бера «Короли воды», опубликованный в 2009 г. В основе сюжета книги лежала история африканера Михаэла Стейна, покинувшего ЮАР в 1987 г. и возвратившегося в уже «новую Южную Африку» 15 лет спустя на похороны матери. Заканчивался отзыв такими словами: «Бер проникает глубоко под тонкий слой кожи крайне противоречивой личности жителя новой Южной Африки – африканера, чей мир приходит в упадок. Дух “Королей воды” – это дух Чехова и его “Вишневого сада”. Мы видим семейную ферму, знаменитую своими вишнями, и на протяжении всего романа слышим звуки топоров, уже принявшихся за вишневые деревья»¹.

Автор этой рецензии – известный южноафриканский писатель Кристофер Хоуп, не только увлекающийся Россией, русской культурой и историей, но и бывавший в нашей стране не раз во времена перестройки (в 1988–1989 гг.). В книге «Москва! Москва!» он вспоминал ощущение, которое произвела на него столица советского государства: «После 15 лет, проведенных вдали от Африки, я, наконец, нашел город, который напоминал мне мой дом...Сходство было туманным и во многом некорректным, быть может, но все же общие черты настолько бросались в глаза, казались такими знакомыми и ужасающими одновременно, что я буквально впадал в гипнотическое состояние смиренного расслабления, почти наслаждения, как спящий ребенок, который боится быть разбуженным ночными кошмарами, но удивительным образом он даже ждет их, потому что он уже знает их, потому что это его дурные сны, его собственные, такие знакомые ужасы»².

«Ветер перемен», пронизывавший в конце 1980-х Советский Союз и ЮАР, действительно обещал и сближение этих стран. Рушился «железный занавес», отделявший обе страны от всего другого мира на протяжении десятилетий. Конечно, южноафриканцы и раньше приезжали в Россию, чаще всего по партийной линии. СССР оказывал поддержку Южноафриканской компартии, запрещенной в ЮАР, в Советском Союзе обучались многие члены этой партии, военные, приглашались культурные деятели, активно выступавшие в своих работах против режима апартеида. Советская же культура, и особенно литература, была по этим же причинам малоизвестна южноафриканцам – цензура апартеида считала ее пропагандой коммунизма. Вплоть до конца 1980-х между СССР и ЮАР не существовало никаких официальных связей, что затруднило ознакомление с культурной и социальной жизнью друг друга.

В конце 1980 – начале 1990-х годов ситуация коренным образом изменилась. Окончание «холодной войны», постепенный распад СССР, демонтаж апартеида – все это будто разрушило стены, отделявшие страны и их жителей друг от друга. Россия установила дипломатические отношения с ЮАР, возобновился обмен туристами, студентами, стали проходить совместные культурные мероприятия, гастролы, выставки.

¹ *Hope Ch. Kings of the Water by Mark Behr. – The Guardian, January 22, 2010, Book section.*

² *Hope Ch. Moscow! Moscow! London, 1990, p. 2.*

Взаимный интерес был огромен, особенно со стороны южноафриканцев. А. Б. Давидсон, приехавший вместе с И. И. Филатовой в качестве единственной за 60 лет академической делегации из СССР в ЮАР в 1989 г., отмечал, что на первой же их официальной встрече с южноафриканскими слушателями они отвечали на вопросы больше двух часов. Южноафриканцев интересовало все о стране, которая долгое время представлялась пропагандой как главный монстр и враг, особенно же — перестройка и перемены, происходившие в СССР. А. Б. Давидсон вспоминал, что им только хитростью удалось покинуть аудиторию для следующей встречи — южноафриканцы буквально бежали за ними, чтобы уточнить, расспросить, узнать еще больше³. В 1994 г. под руководством А. Б. Давидсона был основан Центр российских исследований в Кейптаунском университете. Главной его целью стало «наведение мостов» между Россией и Южной Африкой в новом изменившемся мире, а также искоренение предрассудков и развенчание мифов, которые долгие годы мешали налаживанию взаимопонимания. В рамках этого центра южноафриканских студентов знакомили с русским языком, культурой и историей России. Центр, увы, просуществовал недолго.

Недолгим был и интерес России к Южной Африке. Причин тому было много. Прежде всего постсоветскую Россию гораздо больше заботили внутренние проблемы и новые задачи внешней политики, где Африка играла уже менее важную роль, нежели раньше.

Что же до Южной Африки, то многие ее жители, напротив, только открыли для себя доселе таинственную, далекую и запрещенную Россию. Африканеры, господству которых пришел конец, были вынуждены искать место в новом мире строительства «радужной нации». Именно они с особым интересом обратились к истории и культуре России, где пытались найти ответы на свои вопросы.

В 1994 г., когда в Южной Африке прошли первые демократические выборы и к власти пришел Африканский Национальный Конгресс (АНК), возглавляемый Нельсоном Манделой, южноафриканский писатель Джон Максвелл Куцие, к тому времени уже лауреат Букеровской премии (а спустя несколько лет, в 2003 г., получивший и Нобелевскую премию), выпустил роман «Осень в Петербурге». Главным героем романа был Ф. М. Достоевский, вернувшийся из Дрездена в Петербург после известия о смерти своего сына. Казалось бы, зачем в Кейптауне 1994 г. вспоминать Петербург середины XIX в.?

Куцие интересовался творчеством Достоевского (а также Толстого, Бродского, Солженицына, Мандельштама и других русских писателей и поэтов) с юных лет. Но именно в этом романе он отобразил, с одной стороны, личные переживания, связанные с трагической гибелью сына — ему, очевидно, было несколько легче передать это через образ русского писателя, близкого ему во многом. С другой стороны, Куцие занимала фигура Нечаева как наиболее яркого представителя русского революционного терроризма XIX в. Возможно, Россия эпохи Достоевского — эпохи потрясений, столкновения старых порядков и новых настроений в обществе, появления анархистов, нигилистов, террористических движений — казалась многим южноафриканцам чем-то похожей на эпоху борьбы АНК и ее вооруженного крыла «Умконто ве сизве» (Копье нации) за власть и перемены в южноафриканском обществе.

К этому же времени, 1860—1870-м годам в России, обращалась чуть ранее и другая известная южноафриканская писательница — Надин Гордимер. В отличие от Куцие, она напрямую поддерживала борьбу против апарtheidа. Многие ее произведения были переведены и изданы на русском языке в СССР в 1960—1980-е годы. В 1975 г. в одном из выступлений она ставила в пример черным писателям И. С. Тургенева как автора, «который на протяжении всей жизни был верен идее социальных реформ»⁴, сумел правильно увидеть и описать тип молодого нигилиста, однако сам нигилизм и революционные методы не принимал. Гордимер, рассуждая о Тургеневе, а также

³ Давидсон А. Б. Письма с Мыса Доброй Надежды. М., 2017, с. 23.

⁴ Coetzee J. M. *Stranger Shores. Literary Essays*. New York, 2001, p. 217—218.

о Добролюбове, Чернышевском, Белинском, пыталась на их примере понять место и роль писателя в предреволюционном обществе. Она, разумеется, разделяла идеи равенства всех рас и наций, понимала, что борьба против расовой сегрегации оправдана, но не могла не замечать радикализм представителей движения черного самосознания и «Умконто ве сизве». У русских авторов XIX в. она искала ответ на вопрос, как писателю, который несет особую ответственность перед обществом, соединить политические и моральные принципы? Как быть политическим активистом, поддерживающим политическую борьбу, и при этом не погрешить против морали? Она исходит из слов Белинского из статьи «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”»: «Не хлопочите о воплощении идей; если вы поэт — в ваших созданиях будет идея, даже без вашего ведома; не старайтесь быть народными: следуйте свободно своему вдохновению — и будете народны, сами не зная как; не заботьтесь о нравственности, но творите, а не делайте — и будете нравственны, даже на зло самим себе, даже усиливаясь быть безнравственными!»⁵. На некоторое время эта идея, видимо, утешила ее, однако уже в 1980-х, как отмечает в эссе «Гордимер и Тургенев» Дж. М. Куцие, Гордимер, к сожалению, отказывается от принципов русских писателей так же, как и от европейских, как от модели для современных черных писателей ЮАР. Они (южноафриканские черные писатели), как считала Гордимер в 1980–1990-х годах, сами являются лучшими выразителями идей своей общности, и не к чему им учиться на опыте других стран и поколений.

Еще одним русским писателем, давно снискавшим особенную популярность в Южной Африке, был А. П. Чехов. В 1997 г., всего через три года после первых демократических выборов в ЮАР, на сцене южноафриканского театра появилась постановка пьесы Дженет Сузман «Свободное государство. Южноафриканский ответ на “Вишневый сад” Чехова». Трагедия разыгрывалась в реалиях новой Южной Африки, где в роли Лопухина выступает черный бизнесмен, скупающий усадьбу у бывших белых хозяев. Сама писательница объясняла свою идею: «Я не думаю, что чеховский “Вишневый сад” нуждается именно в переосмыслении сквозь призму политики — это великая пьеса, а потому она обо всем и для всех. Но в восприятии Южной Африки, где даже воздух, которым вы дышите, наполнен политикой, “Вишневый сад” становится пьесой прежде всего о новом порядке, сметающим все старое»⁶.

Это, действительно, именно то, что интересовало южноафриканцев в первую очередь (белых, разумеется): как выжить в эпоху глобальных перемен, когда привычный мир переворачивается с ног на голову, и ты не знаешь, как найти свое место в новых обстоятельствах. Кроме того, конечно, белым южноафриканцам была близка ностальгия Чехова по дворянскому миру, его грусть в связи с их разорением и уничтожением усадеб. Они предчувствовали, что сначала их соседями станут те, с кем раньше они даже за руку не здоровались, а потом — возможно, им грозит экспроприация... В предисловии к тексту пьесы Сузман писала: «Африканер в особенности найдет много глубокого сходства с русской страстью к земле и ландшафту, к большим и почти изолированным усадьбам, к энергичным и сентиментальным людям, жившим в них, а также к особым отношениям между землевладельцами и слугами. Южная Африка — грустная страна и, я думаю, Россия тоже»⁷.

Чехов, как мне кажется, совсем не грустный писатель. Он скорее нас утешает. Тем, кто думает, что в иных обстоятельствах, при ином нашем решении все могло бы сложиться иначе, Чехов говорит: нет, не могло, все было бы так же, или примерно так же. И южноафриканцы, без сомнения, в таком утешении тоже нуждаются. Поэтому ежегодно появляются новые постановки или интерпретации пьес Чехова:

⁵ Белинский В.Г. Собрание сочинений, в 9-ти т. Т. I. Статьи, рецензии и заметки 1834–1836. М., 1976, с. 287.

⁶ *Suzman J.* The Free State. South African Response to Chekhov's The Cherry Orchard. London, 2011, p. 30.

⁷ *Ibidem.*

южноафриканские постановки «Чайки», «Дяди Вани», «Трех сестер». Очень популярны интерпретации чеховских пьес через призму южноафриканской действительности в постановках Резы де Вет. Она создала три спектакля по Чехову — «Три сестры-два» (по мотивам «Трех сестер»), «На озере» (по мотивам «Чайки») и «Елена» (по мотивам «Дяди Вани»). Интересно, что «Три сестры-два» была написана и поставлена на сцене театра в 1997 г. — практически одновременно со «Свободным государством» Дженет Сузман. Обе постановки подверглись серьезной критике как в Южной Африке, так и за рубежом. Многие увидели в них ностальгию по господству белых в ЮАР, нежелание принять действительность и даже расизм. Андре Бринк, южноафриканский писатель и активный борец против апарtheidа, в рецензии на пьесу Резы де Вет писал: «Тонкая идеологическая основа (пьесы «Три сестры-два». — *М.К.*) — это незамаскированная ностальгия по прошлому, когда высшие классы (читай «привилегированные белые») имели эксклюзивный доступ к хорошей жизни до того, как выскочки-революционеры (читай «черные») все испортили»⁸. Бринк открыто осудил попытку сопоставить южноафриканскую действительность с вневременными произведениями Чехова.

Очень противоречивой оказалась и реакция на пьесу «Свободное государство». Исследователь Джон Талок изучал реакцию аудитории в Бате, Англия, и отмечал, что для некоторых зрителей пьеса стала настоящим шоком. Вот высказывания одного из них: «Я был практически парализован ее (пьесы. — *М.К.*) тоской — конец эры, который совсем не означает, что грядущая будет хорошей... Мне понравилось освещение сцены в конце спектакля. Оно передавало атмосферу чьей-то смерти — уход дня как аромат умирающей эпохи»⁹. Другие зрители отмечали, что пьеса Сузман слишком политическая, в отличие от более социально направленной пьесы Чехова «Вишневый сад». Непонятой оказалась и попытка изобразить либерального сторонника движения против апарtheidа, как и сложную динамику патерналистских отношений между белыми хозяевами и их слугами. Большинство зрителей увидели в этом «образ Фервура и всех людей, которые были так агрессивно настроены против черных»¹⁰.

Но были и положительные отзывы на обе постановки. Так, в одной из рецензий на пьесу Резы де Вет было, как мне кажется, очень верно подчеркнуто желание автора раскрыть социальные и человеческие параллели между русскими и южноафриканцами, столкнувшимися с похожими проблемами и пытавшимися их решить: «Решение Резы де Вет выстроить свою пьесу на идеях, впервые воплощенных в России девяносто шесть лет назад, наглядно демонстрирует, как культура может черпать вдохновение из разных источников и ресурсов, чтобы дополнить наше личное понимание общества. Это прекрасный урок для южноафриканцев, которые часто чрезмерно кичатся своими исключительными локальными культурными ценностями»¹¹.

Сама Реза де Вет с нескрываемой грустью объясняла выбор «русских» сюжетов для своих пьес: «С точки зрения африканеров, ничего не изменится к лучшему в плане стабилизации страны, стремления сделать людей более счастливыми и предоставления им большего чувства защищенности. Все было потеряно для африканера — африканец маргинализировался, повсюду хаос, опасность, люди живут за оградями, все бояться, и деньги ничего не стоят. В целом это все очень напоминает последствия (русской. — *М.К.*) революции, когда все в России страдали и начинали задумываться, не было ли раньше лучше, даже если все было ужасно неправильно. Это и есть причина, по которой написание пьесы было настолько очищающим для меня — я смогла выразить те сомнения и страхи и просто отказ как-то смириться с произошедшим.

⁸ *Brink A.* Challenge and Response: The Changing Face of Theater in South Africa. — *Twentieth Century Literature*, v. 43, № 2, 1997, p. 173.

⁹ *Tulloch J.* Shakespeare and Chekhov in Production and Reception. Iowa City, 2005, p. 237.

¹⁰ *Ibid.*, p. 167.

¹¹ *Ferguson I.* Review of Drie Susters Twee by Reza de Wet. — *South African Theater Journal*, 11.I–II.1997, p. 320–321.

Многие африканеры сделали это – приукрашивают, и до сих пор говорят на “жаргоне либералов”, впадают в эйфорию и просматривают инаугурацию (Манделы. – М.К.) снова и снова»¹².

Конечно, тоска по прошлому и страх перед будущим сближал белых южноафриканцев с определенной частью русской интеллигенции в постреволюционное время. Однако Южная Африка, к счастью, пережила свою революцию практически бескровно. Разумеется, были пострадавшие во время подавления восстаний в тауншипах во времена апартхеида, были репрессированные, но все же это не может сравниться с русской революцией и тем уроном, который принесла последовавшая гражданская война. ЮАР, которая, как ожидали многие в мире, должна была превратиться в кровавую баню, после десятилетий расовой сегрегации сумела совершить переход к демократии мирным путем. Разумеется, путь этот не может быть легким и быстрым. Однако путь, по которому шла Россия, показывал пример во многом еще более сложный и страшный.

Интерес и любовь к творчеству Чехова нашли отражение не только в драматургии Южной Африки. В 2010 г. южноафриканская писательница Анна Кемп написала коротенький рассказ на африкаанс, который называется «Письмо к Чехову. Любовная история». Трогательная история о южноафриканерской студентке, которая писала письма Чехову и верила, что Чехов ей ближе, нежели кальвинистский мир Южной Африки, окружавший ее. Только ему она могла открыть свою душу, рассказывать о том, как проходит каждый ее день, о скучных церковных службах, о студентах-теологах ее отца, о собственной застенчивости... Чехов стал для нее, как и для многих других южноафриканцев, и учителем, и утешителем.

Русская литература привлекала не только южноафриканских писателей и поэтов. Долгое время она была предметом исследования для южноафриканских литературоведов и историков. С 1960–1970-х годов в ЮАР существовали две маленькие кафедры русского языка и литературы: в Университете Южной Африки в Претории и в Витватерсрандском университете в Йоханнесбурге. Хотя на обеих кафедрах преподавали всего по несколько человек, все же их вклад в изучение и знакомство южноафриканцев с русской культурой нельзя недооценивать. В Витватерсрандском университете с 1987 г. кафедру возглавила Генриетта Мондри. Родилась она в Риге, в 1979 г. эмигрировала сначала в Израиль, а затем в ЮАР. В Южной Африке она стала официальным переводчиком Верховного Суда ЮАР, возглавила Южноафриканское общество центрально- и восточноевропейских исследований. В 1990-х Мондри организовала несколько симпозиумов по российской и славянской культуре, куда были приглашены специалисты по данным темам со всего мира. В 1991 г. она побывала и в России.

Мондри написала несколько книг и множество статей, посвященных в основном российской литературе XIX–XX вв., еврейскому вопросу в русской литературе, была ответственным редактором нескольких сборников научных статей по русской литературе. На русском языке вышло немало ее статей, а кроме того три книги: «Константин Леонтьев: анализ основных художественных произведений» (М., 1993), «Вновь раскрытые литературные пародии», в соавторстве с Салли Томпсоном (М., 1995) и «Писатели-народники и евреи. Г. И. Успенский и В. Г. Короленко» (М., 2005). Мондри интересовал образ еврея в русской литературе как пример восприятия «другого» в русском обществе XIX–XX вв.

Книгу о еврейском вопросе в работах Успенского и Короленко она написала под впечатлением от известного произведения Александра Солженицына «Двести лет вместе». Несмотря на общепринятое восприятие Солженицына как безусловного морального авторитета, диссидента, борца за политическую и интеллектуальную свободу, Мондри подвергает книгу Солженицына конструктивной и поэтапной критике, прежде всего с точки зрения использования источников. Солженицын, пишет она,

¹² *Blumberg M. and Reza de Wet. More Realities: An interview with Reza de Wet by M. Blumberg. – South African Theater As/And Intervention. Amsterdam – Atlanta (GA), 1991, p. 244.*

преднамеренно вырывает цитаты Короленко и Успенского из контекста, произвольно подстраивая их под собственные антисемитские взгляды на историю России и еврейские погромы конца XIX — начала XX в. в частности. Мондри не боится прямо говорить о желании Солженицына «обелить» Россию и избавить ее от «клеветников», якобы намеренно завышавших статистику жертв-евреев, занижавших количество жертв среди христианского населения и свидетельствовавших об ужасах расправ над евреями во время погромов. Ее поражает, что «позиция Солженицына, по сути, не отличается от логики той части российского населения, которая, по определению Короленко, занимает “патриотическую позицию” в вопросах о погромах и которая видит в евреях не жертву, а источник вины, а в самих погромах — проявление патриотического чувства»¹³.

Еще больше ее удивляет то, что Солженицын не обращает внимания на самый необычный аспект еврейских погромов в России — убийства евреев людьми, лично их знавшими. Мондри отмечает: «тот факт, что в Кишиневе убивали соседей, представляет собой проблему, в которой следует разобраться как в феномене катастрофического значения, предшествовавшего событиям Катастрофы 1930-х и 1940-х годов»¹⁴. Сам же Короленко уделял особое внимание именно этому «вечно волнующему вопросу», ставшему столь актуальным в XX и XXI вв.: «каким образом человек обыкновенный, средний, иногда, может быть, недурной человек, с которым порой приятно вести дело в обычное время, вдруг превращается в дикого зверя, в целую толпу диких зверей»¹⁵. Солженицын, помимо игнорирования этой важной проблемы, по мнению Мондри, создает «стерильную историю еврейских погромов», прежде всего из чувства брезгливости к евреям. Он «без смущения ассоциирует себя с погромной толпой», охваченной приступом необъяснимого, неразборчивого и жестокого гнева, свойственного «русско-украинскому характеру»¹⁶. Анализ мотивов и тактики искажения Нобелевским лауреатом истории еврейского вопроса в России, его непрофессионализм по отношению к использованию работ Успенского и Короленко (последнего она считает «нравственным гением») заставляет Мондри сделать вывод о необходимости строгой оценки деятельности и произведений знаменитых людей, поскольку от степени известности человека зависит степень нравственного влияния, которое он может оказать на общество¹⁷. А гениальный человек, к сожалению, может страдать полным отсутствием нравственности, чему есть множество примеров в истории.

Сейчас Мондри живет в Новой Зеландии и продолжает свои исследования русской истории и культуры. В 2016 г. она опубликовала статью под названием «Цензура и интеллектуальная свобода: размышления о 30-ти годах после Чернобыля и гласности (1986—2016)»¹⁸. Мондри считает трагедию в Чернобыле важным фактором в становлении настоящей гласности и свободы слова в России, поскольку интерпретация данного события только в рамках советской пропаганды была больше невозможной (последствия трагедии сказались на нескольких соседних государствах, скрыть их было нельзя). Однако, наблюдая за развитием государственной политики в отношении свободы слова в течение последующих за трагедией 30 лет, она пришла к выводу: «отмена цензуры не приводит к демократизации общества». Установившийся в России политический режим она называет «постмодернистской диктатурой»¹⁹, где общественное мнение находится под влиянием «националистических, шовинистских

¹³ Мондри Г. Писатели-народники и евреи. Г. И. Успенский и В. И. Короленко (по следам «Двести лет вместе»). СПб., 2005, с. 96.

¹⁴ Там же, с. 94.

¹⁵ Там же, с. 98.

¹⁶ Там же, с. 103—104.

¹⁷ Там же, с. 154—155.

¹⁸ Mondry H. *Censorship and Intellectual Freedom: Reflections 30 Years after Chernobyl and Glasnost*. — *Continental Thought and Theory*, 2016, № 1(1).

¹⁹ *Ibid.*, p. 8.

и патриотических» идей²⁰. Особенно ее внимание привлекли новые законы о цензуре в интернете, а также популярность откровенно расистской книги В. Б. Авдеева «Расология. Наука о наследственных качествах людей», ставшая в России бестселлером в 2006 г.²¹

Интересно, что к проблеме цензуры в российском обществе еще в конце 1990-х обращался и Дж. М. Куцие. В 1996 г. вышел в свет сборник его статей «Нанося оскорбление. Эссе о цензуре», посвященных истории взаимодействия писателей и цензуры в разных странах. Два эссе – о советской цензуре и ее влиянии на творчество Осипа Мандельштама и Александра Солженицына. В обоих случаях Куцие не просто рассказывал о том, как советские власти ломали судьбу писателей. Он анализировал влияние сталинских репрессий на психическое состояние людей. Рассматривая «Оду Сталину», он вслед за Бродским называет ее лучшим произведением Мандельштама, поскольку Мандельштам, доведенный почти до безумия, сумел глубоко проникнуть в психику Сталина, понять его, как никто другой. И это же его и погубило физически (Сталин испугался такого его понимания), но ни в коей мере не унизило его как писателя, пытавшегося спасти себя и семью любыми способами.

Что же касается Солженицына, то отношение Куцие к его творчеству, пожалуй, еще более сложное, чем у Мандри. Куцие признает авторитет и смелость Солженицына, сочувствует его нелегкой судьбе. Однако считает, что он был не только жертвой сталинского режима, но во многом стал его отражением. Солженицын и его враги, прежде всего советские цензоры, не были противоположными личностями, а скорее зеркальным отражением друг друга. Солженицын как личность, пишет Куцие, был, вероятно, «неприятным, может быть даже предателем, в чем-то сумасшедшим, но, в конечном счете, все упирается в качество его работ. А работы эти представляют собой попытку понимания аморального влияния сталинского прошлого на характер людей». И сам Солженицын был примером такого влияния. Именно эту часть личности Солженицына анализирует Куцие. Поэтому приводит так много выдержек из воспоминаний людей, работавших с Солженицыным и знавших его. Куцие цитирует, например, мемуары Владимира Лакшина (первого заместителя Твардовского в журнале «Новый мир»), полные горьких замечаний в адрес Солженицына: «Воспитанный в духе ненависти к сталинизму, Солженицын, сам того не осознавая, тоже был пропитан ядом сталинизма»²². Куцие вспоминает и вопрос, заданный Лакшиным раньше, в статье «Солженицын, Твардовский и “Новый мир”»: «Он (Солженицын. – М.К.) думает, что воюет с “режимом”, с “идеологией”. Но не воюет ли он уже с многомиллионным народом, населяющим эту страну?»²³. В 1967 г. главный редактор газеты «Правда» в своем выступлении объяснял, почему Солженицына не печатают в СССР: «Это психически ненормальный человек, шизофреник»²⁴, – цитирует Куцие.

Куцие заставляет задуматься, не обратить ли вопрос, который задавал Солженицын властям – «кто на самом деле говорит от лица народа, а кто лишь претендует на эту роль?» – к нему самому?²⁵ В речи в Гуверовском институте в США в 1976 г. Солженицын сравнил изучение истории России с археологическим изучением предыстории, эры, которая больше не может говорить сама за себя: «хребет российской истории перебит, память провалена, речь отнялась»²⁶. Современная Россия, таким образом, ока-

²⁰ Ibid., p.13.

²¹ Ibid., p. 12.

²² *Coetzee J.M. Censorship and Polemic: Solzhenitsyn. – Coetzee J.M. Giving Offense. Essays on Censorship. Chicago – London, 1996, p. 131.*

²³ *Лакшин В.* Солженицын, Твардовский и «Новый мир». – Литературное обозрение, 1994, № 12.

²⁴ *Coetzee J.M. Censorship and Polemic..., p. 140.*

²⁵ Ibid., p. 119.

²⁶ *Solzhenitsyn A. Solzhenitsyn Speaks at the Hoover Institution on War, Revolution and Peace. – Hoover Institution, 1976, May–June.*

залась без собственной памяти, без собственного языка. «Он (Солженицын. – М.К.), – рассуждает Куцие, – помнит за нее, говорит за нее, выступает против жестокости, которая разрушает ее память, и лжи, которая замещает ее речь»²⁷. Но за нее ли на самом деле он говорит? И не слишком ли большую роль в истории он выбрал для себя?

Куцие, несмотря на довольно резкую критику работ Солженицына, узнав о его кончине, сказал, что Солженицын был, безусловно, настоящим «гигантом нашего времени» и «великим патриотом России»²⁸.

В конце 1990-х годов на полках южноафриканских книжных магазинов появилась новая книга одного из самых известных и талантливых южноафриканских писателей – Ивана Владиславича. Называлась она так: «Пропаганда с помощью монументов». Сюжет на первый взгляд может показаться весьма комичным: некий черный южноафриканец по фамилии Кумало, работавший во времена апартхейда то садовником, то парковщиком, то механиком, при новом демократическом режиме решил открыть таверну. Долго раздумывал над названием, пока однажды не прочитал в газете, что после развала СССР по всей России сносят памятники Ленину. После новости шел ироничный комментарий автора колонки: «Вниманию всех предпринимателей! Вам представляется шанс всей жизни! Московский городской совет решил демонтировать сотни памятников Владимиру Ильичу Ленину, которые украшают их переполненные общественные учреждения и пустые магазины. Города по всему разрушившемуся Советскому Союзу последуют тем же путем. Мы спрашиваем вас: где еще в мире есть готовый рынок для статуй Ленину, как ни в Южной Африке? Бегите сейчас, пока местные товарищи не растащили все за бесплатно»²⁹. И Кумало озарила мысль, о которой он тут же сообщил в письме в Кремль: нельзя ли выслать ему голову от статуи Ленина в качестве декорации для его новой таверны «В. И. Ленин Паб&Грилль»?

Несмотря на всю комичность сюжета, говорит Владиславич об очень серьезной проблеме, которая коснулась как России, так и ЮАР. О переосмыслении исторического прошлого, о том, как вписать его в настоящее и будущее. Мы сносим памятники прежним вождям, переименовываем улицы, станции метро и даже города, мы топчем прах прошлого, но что мы поставим на опустевший пьедестал? Кем будут наши новые кумиры? «Когда же людям наскучит писать и переписывать историю»³⁰, – размышляет русский переводчик, которому переадресовали письма южноафриканского предпринимателя. Обходя вокруг очередного разрушенного памятника, он размышляет: «Вот одна медная нить, разорванный хребет, извивающийся из бетона, обозначают место, где находилась голова. Голова Ленина. Трудно было представить что-то другое на этом месте. Но одно он знал точно. Это место непременно займет кто-то другой»³¹. Памятники играют роль своеобразных символов того, как мы обращаемся с нашей историей: сначала возносим, потом прикладываем все возможные усилия, чтобы стереть из памяти поколений. То мы десятилетия ругали Советский Союз, то снова ностальгируем³² («Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца»). Так же как африканеры много лет извинялись за апартхейд, а теперь отстаивают возможность анализировать этот период адекватно, вернуть его в учебные программы и находить положительные стороны даже в нем. Сначала крушим, потом, не найдя хоть какой-то замены, перебираем осколки, пытаемся склеить нечто новое из разбитого старого.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Russians pay tribute to Solzhenitsyn. – <https://www.theguardian.com/books/2008/aug/05/solzhenitsyn.nobelprize>

²⁹ Vladislav I. Propaganda by Monuments. Cape Town, 1996, p. 34.

³⁰ Ibid., p. 19.

³¹ Ibid., p. 21.

³² Согласно опросу, проведенному Левада-центром в ноябре 2016 г., о распаде СССР сожалеют около 56% российских граждан. – <http://www.levada.ru/2016/12/05/raspad-sssr-prichiny-i-nostalgiya/>

Тема свержения памятников героям прошлого стала вновь горячо обсуждаться в 2015–2016 гг. в связи с движением «RhodesMustFall» в ЮАР. В 2015 г. в рамках книжного фестиваля «Open Book Festival» состоялась дискуссия южноафриканского ПЕН-клуба, на которую были приглашены украинский журналист Андрей Курков (автор книги «Дневник Майдана») и российско-американская журналистка Маша Гессен (автор нашумевшей книги «Человек без лица: невероятное восхождение Владимира Путина» (The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin)). С Курковым южноафриканские зрители обсуждали российско-украинские отношения, а также сравнивали свержение памятников Сесилу Родсу с многочисленными случаями осквернения и свержения памятников Ленину в Украине, а также проблемы образования и отношения к историческому наследию своей страны. Маша Гессен рассказала о современной путинской России, где за последние десять лет Путин, поначалу почти незаметный «скрытый одинокий человек» из КГБ, выбранный Ельциным в качестве преемника, изменил страну в значительной степени. «Демократическим реформам начала 1990-х был дан задний ход. От выборов почти избавились. Власть в стране сконцентрирована в руках маленькой группы людей даже в еще большей степени, чем во времена СССР». Не исключено, что перемены, происходящие в современной России, вызывают у южноафриканцев неподдельный интерес, поскольку во многом напоминают ситуацию в Южной Африке, где, согласно докладом организации Freedom House за 2014–2016 гг.³³, идет постепенное наступление на гражданские свободы, а власть все больше сосредотачивается у правящей партии в ближнем кругу президента Зумы.

Некоторая общность исторического опыта России и Южной Африки в XX в. позволяла южноафриканским писателям лучше понимать советскую и российскую реальность и даже увидеть черты будущего (отнюдь не радужную картину). Уильям Пломмер, один из первых южноафриканских писателей, которому удалось попасть в СССР еще в 1929 г., с любовью вспоминал о России в стихах:

Стоит мне лишь закрыть глаза, я вспоминаю
Зеленые холмы Сибири, окрашенные сумерками весны...

Но сразу после своего возвращения из СССР, он написал мрачную фантастическую повесть под названием «Мама-Камчатка»³⁴. На границе его фантастической Камчатки, приветствуя гостей, возвышалась статуя Дисциплины. Это была огромная фигура полицейского, державшего в одной руке ручку, в другой — диплом об окончании Университета Табу³⁵. После пребывания в этой мрачной стране, герой приходит к одной истине, которую исповедуют все жители Камчатки: «Я всегда *говорю*, что я вполне уверен теперь — дисциплина лучше любой свободы, и только молодые и глупые могут в этом сомневаться. Но действительно ли это то, что я *думаю*? О, мысли, мысли! Любые мысли опасны!»³⁶, ведь «люди, которые говорят правду, попадают под подозрение и особое наблюдение»³⁷. Это, конечно, своеобразная интерпретация советского путешествия Пломмера. Но может кому-то и наше настоящее может показаться чем-то схожим с описанной картиной Камчатки, родившейся в голове южноафриканского писателя в конце 1920-х годов?

За последние годы были предприняты определенные попытки наладить культурные связи между Россией и ЮАР, в частности после двух визитов Путина

³³ <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2014/south-africa>, <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2015/south-africa>, <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2016/south-africa>

³⁴ *Plomer W. Mother Kamchatka: or Mr. Mainchance in Search of Truth. — Plomer W. Paper Houses. New York, 1929.*

³⁵ *Ibid.*, p. 289–290.

³⁶ *Ibid.*, p. 292.

³⁷ *Ibid.*, p. 291.

в ЮАР – в 2006 и в 2013 гг. Однако первоочередной задачей обеих поездок было улучшение экономических и политических отношений, поэтому связанные с ними культурные отношения активизировались лишь на время. Россотрудничество организовало в ЮАР, в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (2011–2015 гг.), передачу учебников по русскому языку и русскую художественную литературу. Был проведен ряд мероприятий. Однако по окончании проекта Россотрудничество, как и посольство России, свою деятельность в сфере поддержки и развития знаний о русской культуре и истории практически прекратили. Культурные связи и обмены остаются, как правило, частными инициативами немногих заинтересованных лиц.

Почему же не происходит взаимного сближения двух стран? Ведь культура – прекрасная почва для выстраивания отношений, она не меняется так стремительно, как политика или экономика, здесь отношения могут быть более прочными и долгосрочными. Конечно, южноафриканцам трудно понять многое в реалиях современной российской жизни и культуры – они питают интерес, как правило, к русской классике – классической литературе (почти всегда ограничиваясь XIX в. и зная лишь немногих представителей культуры советского и постсоветского времени), классической музыке и балету. Представления о современной России складываются у них, как правило, по материалам СМИ и связаны чаще всего лишь с политической стороной жизни российского общества.

Что же касается России, мы, к сожалению, все больше заиклены на себе и мало интересуемся тем, как нас воспринимают другие. «Мы не хотим быть понятными – мы хотим быть понятыми. А они хотят, чтобы мы были понятными»³⁸, – все чаще звучит с экранов российских телевизоров. Об Африке мы по-прежнему знаем очень мало, поэтому нам трудно воспринимать даже те немногие примеры южноафриканского современного искусства, которые попадают в Россию.

Так, например, в 2014 г. в Москве в рамках фестиваля современного искусства «Территория» была представлена скандально известная выставка-перформанс «Exhibit B» под руководством южноафриканца Бретта Бейли. Его «живые инсталляции» – это цикл работ на границе contemporary art и документального театра, которые представляют собой размышления автора об истории расизма в Африке. Специально для Московского перформанса автор придумал новых участников своего «человеческого зоопарка» – мигрантов из бывших республик СССР. Выставку Бейли, конечно, в Москве не закрыли, как, скажем, это произошло в Великобритании и некоторых других странах, где расовый состав населения более многообразен, нежели в России. Но понимание она тоже не получила. На сайте Общероссийской ассоциации искусствоведов была опубликована развернутая рецензия на выставку Бейли под таким заголовком: «Черный подиум белого человека: Pro и Contra»³⁹. Автор отзыва хотя и оценила саму задумку Бейли – встреча с живыми экспонатами, возможность взглянуть им в глаза, что вызывает эффект сопереживания, эффект «суда истории», на котором каждый зритель оказывается соучастником чудовищных преступлений прошлого. Однако в отношении России, как посчитала автор, этот эффект достигнут не был в силу «тотальной отрезанности России от Африки, а затем в силу иных типов цивилизации». Россия, как считает автор статьи, никакой вины за расизм европейцев не несет, и напоминает Бейли: «транслировать вину белых англосаксов на всех белых – невыполнимая задача». И даже попытка Бейли перекинуть мостик между африканским прошлым и российским настоящим показать историю выхода из Кыргызстана, чей брат был убит в России на почве расовой ненависти – не нашла нужного отклика.

³⁸ <http://www.aif.ru/society/315863>

³⁹ Решетникова И. Черный подиум белого человека: Pro и Contra (выставка «Exhibit B», ЮАР, Московский музей современного искусства). – http://www.ais-aica.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3888:chernyj-podium-belogo-cheloveka-pro-i-contra-vystavka-exhibit-b-yuar-moskovskij-muzej-sovremennogo-iskusstva&catid=313:2012-10-06-06-50-00&Itemid=167

Такое же желание отмежеваться от вопросов, которые ставит история и искусство Южной Африки, вызвала у многих публикация на русском языке романа Дж. М. Куцье «Бесчестье». Роман о меняющемся мире, расплате за века угнетения, расизма и господства белого человека, с которым неминуемо придется столкнуться всем странам рано или поздно, нашел в России как понимающих (пусть и немногочисленных) читателей, так и резких критиков. В одной из рецензий, например, были такие слова, буквально повторяющие реакцию на выставку Бейли: «Мы, славяне, не несем ни малейшей ответственности за то, что происходило в Африке веками. Мы не имели там колоний, не торговали черными рабами, не загоняли каких-нибудь гереро в пустыню Калахари, обрекая десятки тысяч на гибель от голода. Мы были свободны от всего — и от бремени господства, и от бремени рабства»⁴⁰.

Трудно, конечно, найти нечто общее между культурами столь далеких стран, особенно когда параллели вызывают настолько агрессивную реакцию отмежевания. Как когда-то правильно писал И. Бродский: «Мы не любим подобных себе, не любим тех, кто сделан из другого теста».

В современной южноафриканской культуре (особенно культуре белых южноафриканцев) сейчас все глубже укореняется мнение о связях с европейской традицией, о культурных взаимосвязях и пересечениях. Марк Бер, чей роман «Короли воды» был упомянут в самом начале статьи, признавался в интервью: «Я хотел написать то, что называется *plaasroman*, но для XXI в., чтобы он соединил в себе то уникальное, что есть в Южной Африке, но в то же время показал, что так же радикально и неотделимо мы связаны с остальным миром, что наша “уникальность” не представляет собой ничего особенного, что все мы пребываем в состоянии постоянной трансформации, что мы в Южной Африке люди, в сущности, по крайней мере, довольно обычные»⁴¹. Боюсь, современному российскому читателю такое самовосприятие покажется чуждым, ведь мы привыкли гордиться — собой лично, народом, историей, культурой. Мы великая страна, с великой культурой и историей — в этом ключе нас, разумеется, мало интересует чужая культура и чужая точка зрения, особенно если она не совпадает с нашей. «Мне абсолютно достаточно русской живописи, русской литературы и русской музыки для того, чтобы полноценно жить на свете. Абсолютно. В них есть все, что необходимо для понимания человеческой природы вообще»⁴², — сказал в одном из интервью Никита Михалков, один из наиболее популярных современных кинорежиссеров, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» и председатель Союза кинематографистов России. Стремление к культурной и политической замкнутости, различные проявления нетерпимости к другим культурам и религиям, национализм и расизм, к сожалению, заметно проявились в последние годы в социальной и политической жизни многих стран Европы, Америки и Африки.

Хочется верить, что такая точка зрения не долго будет популярной в обществе. Что интерес, который питают южноафриканские писатели к России, российское общество еще активнее будет проявлять к другим культурам. Ведь невозможно познать себя по-настоящему, только любясь собой. Пусть сейчас образ России в южноафриканском искусстве, и литературе в частности, является несколько искаженным, пусть интерес к России со стороны южноафриканских культурных и научных деятелей нельзя назвать многосторонним, а их оценку объективной. Но желание рассмотреть параллели между своей страной, Южной Африкой, ее историей, ее проблемами, ее людьми и судьбой России говорит о стремлении сравнивать себя с другими, понимать себя, смотреть и оценивать себя со стороны — это, безусловно, путь к самопознанию, совершенствованию и развитию. Хотелось бы верить, что культурные деятели других стран будут следовать тем же путем, а не стремиться к выстраиванию очередных стен, концентрации исключительно на своей культуре и уникальности.

⁴⁰ Тугаринов А. Южноафриканские страсти. — Киевские ведомости, 6.VII.2002.

⁴¹ Jackson J.-M. South African literature's Russian soul. London, 2015, p. 184.

⁴² Российская газета, 5.XI.2014.